

ЭПИГРАФИКА

ВОСТОКА

XXIII

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА Б. Б. ПИОТРОВСКОГО

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1985

ЗАМЕТКИ И РЕЦЕНЗИИ

Е. А. ДАВИДОВИЧ

О МЕТОДЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ М. Н. ФЕДОРОВЫМ РУКОПИСНЫХ
И МУМИЗАТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Две статьи М. Н. Федорова, которые мы здесь рассматриваем,¹ посвящены одному довольно частному сюжету: «восстановлению» Афрасиабского клада и реконструкции династийной истории Караханидов 60—70-х гг. XII в. Отдельные конкретные ошибки в этих двух небольших статьях не заслуживали бы специальной рецензии, но дело не в них, а в устоявшемся за многие годы стиле работы Федорова, в его творческом методе, которые в двух этих статьях проявились очень ярко. Стиль и метод, избранные им, позволяют писать легко и много, так как не требуют добросовестного и кропотливого изучения источников и литературы и предполагают дозволенность произвольных и фантастических построений.

Методы интерпретации
рукописных источников
и использования научной литературы

Один из основных сюжетов двух статей М. Н. Федорова — генеалогия и хронология карахагского государя Мас'уда, а также некоторые события времен его правления. О Мас'уде сообщено во многих рукописных источниках; для самостоятельной и совершенно фантастической интерпретации М. Н. Федоров привлекает два: «Синдбад-наме» Мухаммада ибн 'Али ибн Мухаммада ибн ал-Хасана аз-Захири ал-Катиба ас-Самарканди (далее — Мухаммад Самарканди) и Джамала Карши. Ради хронологической ориентировки читателя приведем несколько достоверных сведений о Мас'уде: известные сейчас бесспорно принадлежащие ему монеты чеканены в 558—565 гг. х. (это низкопробные серебряные дирхемы и золотые динары); в 560/1165 г. он восстановил городские стены Бухары; в 556/1160-61 г. вступил на самаркандский престол после победы над врагами (А. Атеш на основании «Синдбад-наме»²); умер в павлаве (Джамал Карши) 565 или 566 г. х.; в 566 г. х. на престол Самарканда вступил его сын Мухаммад, умерший в 569/1173-74 г.³

¹ Федоров М. Н. 1) Афрасиабский клад золотых монет второй половины XII в. — ЭВ, 1972, вып. 24, с. 32—34; 2) По поводу Афрасиабского клада золотых монет второй половины XII в. — НЭ, 1978, вып. 12, с. 56—62.

² Sindbad-name: Yazan Muhammed b. 'Ali az-Zahiri as-Samarqandi ... / Mukaddime ve hasiyerlerle nesredene Ahmed Atez. Istanbul, 1948, s. 64, 68, 69 (введение издателя).

³ Давидович Е. А. Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов второй половины XII в. — В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье: (История и культура). М., 1977, с. 179—182.

О локализации битвы 556/1160-61 г.
и о войне Мас'уда с карлуками

О битве и победе 556 г. х. сообщается во вводной части «Синдбад-наме». Приведем отрывок в переводе М.-Н. Османова,⁴ поскольку интерпретация М. Н. Федорова основана на этом переводе. После общих восхвалений в адрес Мас'уда сказано: «Убедительным и ясным подтверждением этих простых мыслей служит степь у города Илека, где после битвы пятьдесят шестого года черепа врагов и недругов Туранского государства стали пищей для птиц и диких зверей». Федоров в 1972 г. (ЭВ, с. 34)⁵ предлагал два варианта локализации «города Илека», сопроводив каждый пространным историческим комментарием. Первый — область Илак; подтверждение такой локализации — монеты Мас'уда, чеканенные в Бенакете много позднее — в 558—559 гг. х. Возникающее в этом случае затруднение (в переводе «Синдбад-наме» фигурирует не область, а город, в области же Илак нет одноименного города) просто обойдено молчанием. Второй вариант — «город Илек» в области Вашигирд (день пути на северо-восток от города Вашигирда). В этом варианте Федоров отождествляет события 556 г. х. с той битвой Мас'уда с карлуками, которая описана в другом сочинении Мухаммада Самарканди — «А'рад ас-сийаса» — и которая происходила на территории соседних с Вашигирдом областей, в частности в Чаганиане и Термезе, и вполне могла распространиться на область Вашигирда. Во втором варианте возникают следующие затруднения, обойденные молчанием. Во-первых, натыкка — считать Вашигирд настолько «соседним» с Чаганианом и Термезом, что он не упоминает источником, хотя решающая битва произошла якобы именно там. В связи с этим сразу привлекает внимание принципиальная разница сведений в двух сочинениях одного и того же автора (Мухаммада Самарканди) при описании будто бы одного и того же события: в «А'рад ас-сийаса» местом действия названы Нахшеб, Кем, Чаганиан и Термез, но отсутствует «город Илека», а в «Синдбад-наме» местом действия названа степь именно у данного города, но отсутствуют все остальные. Во-вторых, этот вариант означает, что к 556 г. х. Мас'уд уже давно сидел на престоле, ибо упоминается война с карлуками не возведя его на престол, а происходящая уже в его царствование.

Необяснимые затруднения в обоих вариантах должны были подсказать М. Н. Федорову одно из двух

⁴ Мухаммад аз-Захири ас-Самарканди. Синдбад-наме / Пер. М.-Н. Османова. М., 1960, с. 25 (далее — Синдбад-наме).

⁵ Здесь и далее ссылки на статьи М. Н. Федорова даны в тексте: место публикации (ЭВ или НЭ) и страницы.

решений: либо воздержаться от публикации столь сырых соображений, либо изучить вопрос основательнее. Последнее прежде всего требовало проверки текста, что мы и сделали вместо него. И оказалось следующее: А. Атеш в основу издания текста «Синдбадنامه» положил списки «А» и «Б», список же «Г» (библиотека Фатих в Стамбуле, инв. № 3682) использовал лишь для указания разночтений.⁶ Ни в одном из трех списков нет слова «город». После слова «степь» в списках «А» и «Б» следуют разные слова: в одном — «рабат», в другом — «Илек». Атеш предложил конъектуру «рабат-и Илек» на основе этих двух списков, т. е. получилось: «رباط ملك» «степь рабата Илек», или «степь у рабата Илек». Но в списке «Г» другое: رباط ملك.

'Рабат-и Малик', 'Царский рабат' — хорошо известный монументальный рабат в степи Малик, на главной, «шахской» дороге из Самарканда в Бухару, примерно в 20 км к западу от Кермине. Рабат-и Малик (по археологическим данным и стилистическому анализу его архитектуры и декора) был построен и перестроен еще в XI в., а функционировал до конца XVII в.⁷ Вариант списка «Г» оказывается предпочтительнее. А это означает, что упомянутое победоносное сражение Мас'уда в 556/1160-61 г., решившее судьбу самаркандского престола, произошло не в области Илак (долина р. Ангрен) и не у далекого города Илака северо-восточнее Вагшграда, а действительно в степи, причём у Рабат-и Малика, т. е. недалеко от Самарканда.

Из сказанного ясно, что экскурсе М. Н. Федорова о событиях 556 г. х., занимающий почти половину его статьи 1972 г., вносит лишь путаницу в понимание исторической ситуации. Наша конъектура снимает оба варианта локализации битвы 556 г. х., а тем самым — как датировку войны с карлуками в Нахшебе, Кеше, Чаганийяне и Термезе, так и отождествление этой войны с событиями, упомянутыми в «Синдбад-наме». К сказанному следует добавить, что, предложив два варианта локализации битвы 556 г. х. на основе неверного перевода и обходя молчанием возникающие при этом даже без проверки текста затруднения, третьей ошибки (знака равенства между битвой 556 г. х. и войной с карлуками в Нахшебе, Кеше, Чаганийяне и Термезе) Федоров мог избежать либо прочтя введение А. Атеша к изданию «Синдбадنامه», либо самостоятельно сравнив два прозаических произведения Мухаммада Самарканди. Последнее убедило бы Федорова в следующем.

Точная дата завершения «Синдбадنامه» неизвестна, но некоторый материал для датировки есть. Воинские доблести Мас'уда во вводной и заключительной частях этого произведения иллюстрируются все время (трижды!) одним и тем же примером, предшествующим его вступлению на престол, а именно — победой, которая эти вступления обеспечивала. У Мас'уда были и другие победы впоследствии, но они не упоминаются, несмотря на очевидное старание Мухаммада Самарканди безмерно его восхвалять и возвеличить. Ясно, что «Синдбадنامه» было завершено и подписано Мас'уду вскоре после его прихода к власти. В «А'рад ас-синая» наоборот, описываются победы Мас'уда времени его царствования, среди них и война с карлуками. Такое историко-этическое наблюдение не позволило бы М. Н. Федорову ставить знак равенства между военными событиями, описанными в двух сочинениях, и войну с карлуками относить к 556 г. х.

Об имени отца Мас'уда

Этот вопрос М. Н. Федоров рассмотрел в обещанных выше названных статьях. Но еще до того в литературе были высказаны три точки зрения. В. В. Бартольд (1900 и 1928 гг.) отцом Мас'уда считал Али ибн Хасана, предшественника Мас'уда на престоле Самарканда;⁸ А. Атеш (1948 г.) и О. Прицак (1953 г.) — самого Хасана;⁹ Е. Э. Бертельс (1960 г.) — Хусайна ибн Хасана.¹⁰ В 1972 г. Федоров не был знаком ни с исследованием Атеша, ни с репликой Прицака, ни с заключением Бертельса. Его самостоятельное «разыскание» свелось к двум выводам: имя отца Мас'уда названо в двух сочинениях Мухаммада Самарканди. В «А'рад ас-синая» В. В. Бартольд обнаружил Мас'уда ибн 'Али, а в «Синдбадنامه» (в переводе М.-Н. Османова) он, Федоров, нашел Мас'уда ибн Хусайна. Али и Хусайн — родные братья, следовательно, в одном из двух сочинений переписчик допустил ошибку. Оба претендента на отцовство (т. е. и 'Али, и Хусайн) подходят; выбор станет возможен, если появятся монеты Мас'уда с именем его отца в надписях. Такие монеты не найдены, но Федоров снова вернулся к этому вопросу.

В 1978 г. М. Н. Федоров свои собственные выводы 1972 г. вовсе не упомянул, потому, очевидно, что теперь у него возникли новые соображения, которые не согласовывались с прежними. В статье 1978 г. он поддержал точку зрения О. Прицака: «Джамак Карши действительно называет Мас'уда братом правителя Ферганы, Хусейна ибн Хасана», т. е. тем самым — сыном Хасана. Правда, в «Синдбадنامه» имя отца Мас'уда — Хусайн, по это — ошибка переписчика. Федоров заключил: «У нас больше оснований верить Джамаку Карши, называющему Мас'уда братом Хусейна ибн Хасана» (НЗ, с. 59).

Все эти, опубликованные в двух статьях соображения и выводы М. Н. Федорова — просто путаница, результат неумения анализировать источники и читать научную литературу.

Во-первых, В. В. Бартольд нигде не утверждал, что имя отца Мас'уда нашел в «А'рад ас-синая», и не мог утверждать, так как в лейденской рукописи этого сочинения, которой он пользовался, мусульманское имя отца Мас'уда не названо. М. Н. Федоров просто невинительно прочел и неверно в 1972 г. понял фразу Бартольда, но не считал необходимым в 1978 г. (когда прочел правильно и, наконец, понял) снять с этого ученого величайшей точности подобный навет. Во-вторых, О. Прицак отцом Мас'уда действительно назвал

⁸ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — Соч. М., 1964, т. 1, с. 399. Мы как будто выяснили происхождение этой точки зрения В. В. Бартольда (см.: Давидович Е. А. Вопросы хронологии и генеалогии. . . , с. 183, 184).

⁹ Sindbad-name, s. 66-69 (введение издателя); Pritsak A. Die Karachaniden. — Der Islam, Berlin, 1953, Bd 31/1, S. 55. Мы перепроверили источник вывода А. Атеша и привлекли новый материал, который убедил в правильности его заключения (см.: Давидович Е. А. Вопросы хронологии и генеалогии. . . , с. 184, 185).

¹⁰ Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы. М., 1960, с. 468-473. Е. Э. Бертельс опирался на два фрагмента из касид Сузани, где Хусайн якобы назван отцом Мас'уда, но в одном случае это не Хусайн, а Хасан (см.: Давидович Е. А. Вопросы хронологии и генеалогии. . . , с. 184, примеч. 17).

⁶ Sindbad-name, s. 16 (текст), 93 (введение издателя).

⁷ Немец В. Н. В. Новое о Рабат-и-Малике. — Стр-во и архитектура Узбекистана, 1980, № 1, с. 22-26.

Хасана, но отнюдь не на основании Дикамала Карши, здесь Федоров вновь приписывает другому автору то, чего тот не утверждал и не мог утверждать, ибо у Дикамала Карши нет материалов для подобного вывода (см. ниже). Придак безусловно базировался на специальном исследовании А. Атеши; последний же свои выводы относительно имени отца Мас'уда построил не на данных Дикамала Карши, а на совсем других источниках. В-третьих, Федоров и самостоятельно усмотрел у Дикамала Карши свидетельство, позволяющее отцом Мас'уда считать Хасана: Дикамал Карши якобы называет Мас'уда братом Хусайна ибн Хасана. Если до этого Федоров невинительно прочел Бартольда и Прицака, то в данном случае он совершенно не понял текста Дикамала Карши. И его не предостерегло следующее соображение: если бы у Дикамала Карши имелось столь прозрачное свидетельство, неужели этого не заметил бы Бартольд? Чтобы разъяснить путаницу с Дикамалом Карши, придется привести фрагмент его текста.¹¹ условно нумеруя переводные фразы: 1) «В радиате 551 г. умер хахан, владетель Ферганы, Хусайн Тогрул-хан ибн ал-Хасан кара-хан. 2) И умер его брат Мас'уд Чагры-хан, владетель Самарканда и Бухары [...]. 3) И скончался Тафгач-хан в шаввале 560 г. в Самарканде. 4) И умер его сын Мухаммад Тунга(?)-хан в 569 г.».

Здесь не только лакуна, отмеченная В. В. Бартольдом между нашими фразами 2, 3, но и серьезные искажения, противоречия, которые он безусловно заметил (потому и не использовал фразу 2 для равенства: Мас'уд — брат Хусайна ибн Хасана), а М. Н. Федоров не заметил. Текст не позволяет «пересказать», он требует критики. Перечислим важные в данной ситуации противоречия текста. По монетам нами еще в 1957 г. было достоверно установлено, что Мухаммад (умерший в 569 г. х.; фраза 4) — сын Мас'уда Тамгач-хана.¹² Если признать верными (как это делает Федоров) первые две фразы (Мас'уд — брат Хусайна ибн Хасана), то упомянутый Мухаммад окажется сыном не Мас'уда, а какого-то другого лица с титулом Тафгач-хан. В этой связи привлекают внимание и титулы. У Мас'уда в фразе 2 титул Чагры-хана, которого он не носил; и по монетам, и по всем рукописным источникам титул Мас'уда — Кылыч Тамгач-хан (хахан). Титул же Чагры-хана носил предшественник Мас'уда в Самарканде, 'Али, который, как известно, был сыном Хасана и братом Хусайна ибн Хасана. Естественно, напрашиваются следующие выводы. В фразе 2 речь идет об 'Али ибн Хасане с его титулом Чагры-хан и правильным указанием, что он — брат Хусайна ибн Хасана; искажение в этой фразе — замена имени 'Али именем Мас'уда и отсутствие даты смерти 'Али. Фраза 3 касается уже Мас'уда, но в ней нет данных о его генеалогии. Поскольку генеалогия остальных владетелей в указанном отрывке приводится, можно предполагать, что Мас'уду была посвящена не одна фраза, т. е. фразе 3 предшествовали еще некоторые о нем сведения, в рукописи вовсе пропущенные (лакуна Бартольда); имя же Мас'уда попало в фразу 2 из этого, отсутствующего фрагмента. В такую реконструкцию хорошо вписывается фраза 4, ибо в данном случае Мухаммад действительно оказывается сыном Мас'уда. Последнее обстоятельство правильно понял О. Прицак (даже не зная опубликован-

ных нами монет Мухаммада ибн Мас'уда), поэтому он (вопреки утверждению Федорова) отнюдь не опровергает равенством, якобы вытекающим из фраз 1 и 2 (Мас'уд — брат Хусайна ибн Хасана), ибо у Дикамала Карши в дошедшем до нас тексте одно исключает другое. Зато у Федорова оба равенства сосуществуют: он считает, что в дошедшем тексте Дикамала Карши все правильно и Мас'уд одновременно назван как братом Хусайна ибн Хасана, так и отцом Мухаммада.

Итак, текст Дикамала Карши искажен и просто не содержит материала для суждения о месте Мас'уда в генеалогии Караханидов. Имя отца Мас'уда (Хасан) выясняется путем анализа совсем других источников, среди которых решающее значение имеют стихи Сувани.

Смерть и «воскресение» Мас'уда

Как выше уже упоминалось, Мухаммад Самарканди, восхваляя во вводной и заключительных частях «Синдбадنامه» воинские доблести Мас'уда, проиллюстрировал это одним примером, но три раза. Первый пассаж: М. Н. Федоров привлек для неверной локализации и интерпретации битвы 556 г. х., второй же пассаж стал основой совершенно фантастической реконструкции биографии Мас'уда и разных событий 60—70-х гг. XII в. Приведем второй фрагмент полностью,¹³ условно пронумеровав две его фразы: 1) «В тот период, когда владыка мира перешел из этой страны в другую и оставил ее на долгое время без достойного правителя, в нее вторглись враги, так как здесь много гнетущих оазисов». 2) «Но все они в конечном итоге получили по заслугам. Слава Аллаху, страна досталась достойному, справедливому и могущественному царю и закрепилась за ним».

Ясно, что здесь речь идет о двух государях: первый из них умер (фраза 1); через какое-то продолжительное время, победив врагов, на престол воссел другой государь (фраза 2). Кто же эти государи? Поэтическое и прозаическое словословие, следующее за разбираемым отрывком (и завершающее вводную часть сочинения Мухаммада Самарканди), ясно показывает, что врагов победил и вступил на трон Мас'уд Тамгач-хан. Следовательно, первый из двух государей, который умер, это предшественник Мас'уда на престоле Самарканда, т. е. 'Али ибн Хасан Чагры-хан.

Итак, в разбираемом отрывке, которому предшествует общее восхваление династии Караханидов, упоминаются три события: смерть 'Али ибн Хасана; нашествие врагов и отсутствие в стране долгое время «достойного правителя», т. е. законного государя из Караханидов; победа над этими врагами и вступление на престол Мас'уда (т. е. Мас'уда ибн Хасана, брата 'Али; см. выше). А мы уже знаем, что эта победа была одержана в 556/1160-61 г. недалеко от Самарканда, в степи около Рабат-и Малика («Царского рабата»). Следовательно, разбираемый пассаж описывает события 556/1160-61 г. и довольно продолжительного предшествующего времени.

Именно так понял этот отрывок А. Атеши, и данное истолкование принял О. Прицак. М. Н. Федоров, не зная работы Атеши и не обратив внимания на соответствующую фразу в статье Прицака, прежде всего утверждает, что это интересное сообщение Мухаммада Самарканди «почему-то не привлекло до сих пор внимания исследователей» (НЗ, с. 59). Процитировав далее указанный отрывок в переводе Н.-М. Османова, сам Федоров в качестве «первооткрывателя» истолковывает его следующим образом (НЗ, с. 60).

¹³ Синдбадنامه, с. 26—27.

¹¹ Бартольд В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 1. Тексты. СПб., 1898, с. 132.

¹² Давидович Е. А. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов. — В кн.: Нумизматический сборник. М., 1957, ч. 2, с. 112. (Тр. ГИМ; Вып. 26).

В фразе 1 под «владыкой мира» он понимает не 'Али ибн Хасана, а самого Мас'уда Тамгач-хана, причем настолько уверенно, что вносит его имя прямо в перевод (в скобках) как нечто само собой разумеющееся. Значит, в этой фразе умер не 'Али, а Мас'уд? Ничуть не бывало. Мас'уд «перехал» у Федорова не в «новый мир», а в другой город; Самарканд же Мас'уд передал своему сыну Мухаммаду. Вторжение врагов, их пребывание в стране, ясное свидетельство о продолжительном переезде в карахандском господстве — все это как не «врезающееся» в такое толкование оставлено Федоровым без внимания.

В фразе 2 автор снова обнаруживает Мас'уда (что правильно), но истолковывает фразу как свидетельство его возвращения и второго утверждения в Самарканде после смерти в 569/1173-74 г. сына (Мухаммада). Победа Мас'уда над врагами (получившими «по заслугам») как условие вступления на самаркандский престол, не «врезающаяся» в такое толкование, тоже оставлена без внимания.

В соответствии со своим пониманием отрывка М. Н. Федоров и датирует события. Поскольку в фразе 2 у него получается не победа над врагами и вступление на престол Мас'уда (566 г. х.), а его вторичное возвращение после смерти сына, то, следовательно, это 569 г. х. или позже. Поскольку в фразе 1 у него получается не смерть 'Али ибн Хасана (нашего раньше 566 г. х.), а «переезд» Мас'уда из Самарканда в другой город, значит, это было после 566 г. х. (565 г. х. — поздняя известная дата на самаркандских монетах Мас'уда).

Комментарии излишни. Такой способ интерпретации источника следовало бы назвать фальсификацией, если бы подобное могло быть сделано сознательно. Нет, это не сознательная фальсификация, а мир фантастики, вступив в который, М. Н. Федоров почувствовал себя настоящим творцом и еще многое, как мы увидим ниже, создал по своему желанию и произволу.

Методы работы

с нумизматическим источником и нумизматической литературой

С нумизматическим источником М. Н. Федоров обобщается так же «самостоятельно», как и с источником рукописным. Объект его исследования — Афрасиапский клад золотых монет и надписи на них. По отношению к кладу он проявляет недвижимую выдумку, «слепящая» его из двух различных групп монет. Что же касается надписей карахандских монет, то в литературе не раз отмечалось, что они являются важнейшим источником по политической истории Карахандов, но чрезвычайно сложны и трудны для изучения, требуют тонкого, неторопливого анализа, большой осторожности и добросовестности, при отсутствии же таких качеств открывают широкий простор для любых, даже самых фантастических, построений.

Золотые дирхамы Самарканда и Бухары 571—574 гг. х.

Согласно рассматриваемой выше «концепции» М. Н. Федорова, возникшей из неверного понимания текста «Синдидаме», после смерти Мухаммада ибн Мас'уда в 569 г. х. его отец снова вернулся в Самарканд. Следовательно, возникла необходимость обнаружить монеты Мас'уда, чеканенные в Самарканде после 569 г. х., и Федоров их «обнаружил». С точки зрения фактов, этот его пассаж не было бы надобности рассматривать, он заведомо неверен: так как Мас'уд

умер в 565 или 566 г. х., его «отъезда» из Самарканда и «возвращения» туда просто не было. Но данный пассаж характеризует метод обращения с монетными надписями.

Монетный титул Мас'уда на достоверно принадлежащих ему и чеканенных между 558—565 гг. х. дирхемах и дирхамах — «ал-хакан ал-адил Руки ад-дунья ва-д-дин Кылыч Тамгач-хан». Известны золотые дирхамы, выпущенные в Самарканде и Бухаре в 571—574 гг. х. совсем другим государем; на них мусульманское имя Мухаммад, а титул — «ал-хакан ал-адил Руки ад-дунья ва-д-дин Абу-т-Музаффар Акдаш (?) 14 Тамгач-хан (иногда — хакан)». М. Н. Федоров следующим образом доказывает принадлежность этих дирхамов 571—574 гг. х. тому же Мас'уду (НЗ, с. 61).

1) Свидетельство «Синдидаме» о «возвращении» Мас'уда в Самарканд после смерти сына в 569 г. х. Это «доказательство» в комментариях не нуждается.

2) «Елизист» титулов Кылыч Тамгач-хан (558—565 гг. х.) и Акдаш Тамгач-хан (571—574 гг. х.). Видимо, это два варианта одной и той же титулатуры с двумя различными эпитетами: Кылыч и Акдаш. М. Н. Федоров забывает, что общий компонент титула (Тамгач-хан) не имеет силы аргумента в пользу Мас'уда, так как титул Тамгач-хан носили многие карахандские государи, а слова «Кылыч» и «Акдаш» не перестают быть разными оттого, что объявлены «вариантами». Известно, что разные карахандские государи носили одинаковые титулы, один и тот же государь иногда свои титулы менял. Однако принадлежность одному лицу разных титулов (если при них не стоит его собственное имя) должна быть обоснована, а это обычно требует тщательного анализа каких-либо дополнительных данных. В нашем случае дополнительных данных и обоснований нет, есть простое декларирование тождества. Добавим, что титулы являются одним из важнейших источников атрибуции карахандских монет, произвольным же отождествлением разных титулов Федоров уже давно внес большую путаницу в изучение династической истории Карахандов,¹⁴ знает это, но никак не может остановиться.

3) Понимая, очевидно, шаткость тождества «Кылыч Тамгач-хан=Акдаш Тамгач-хан», М. Н. Федоров ставит вопрос: почему Мас'уд слово «Кылыч» в титуле сменил на «Акдаш». И отвечает: потому, возможно, что последнее соответствовало традициям города Бенакета, ибо в значительно более позднее время (599—602 гг. х.) на монетах Бенакета в титуле другого государя есть «этот эпитет». Тогда возникает два встречных вопроса. Во-первых, причем здесь Бенакет? На данный вопрос ответ: оказывается, перевод Самарканд своему сыну Мухаммаду, Мас'уд перешел «скорее всего» в Бенакет (НЗ, с. 60), а потом уже совершенно точно — в Бенакет (НЗ, с. 61). Выбор Бенакета для «переезда» туда Мас'уд опирается на бенакетские монеты, отмеченные Мас'удом десятилетием раньше, в 558—559 гг. х.¹⁵

¹⁴ В слове «Акдаш» палеографически обоснованное определение четырех букв (алиф, каф, дал, син-шайн) принадлежит нам, но чтение (огласовка) и значение этого слова в монетных надписях (тюркское имя, часть титула?) неясны, поэтому мы ставили знак вопроса. М. Н. Федоров вопрос снял (не разъяснив источник уверенного мнения), а слово объявил эпитетом.

¹⁵ Например, в одной из своих статей М. Н. Федоров выстроил такие произвольные тождества: Малик ал-Муайид=Муайид ал-Ади, Тига-хан = Тига-тегин и т. д. А потом на этой «основе» запутал всю атрибуцию монет (см.: Да и в д о в и ч Е. А. О двух карахандских каганатах. — НАА, 1968, № 1, с. 75).

Во-вторых, если титул Акдаш в традициях Бенакета, тогда Кылыч — в традициях Самарканда; почему же Мас'уд традиционный бенакетский «Акдаш» принял после возвращения из Бенакета в Самарканд и представил на самаркандских монетах вопреки местной «традиции» (т. е. вместо Кылыч)? На этот вопрос нет даже фантастического ответа.

4) У Мас'уда и Акдаш Тамгач-хана одинаковые лакаб и кунья — «Руки ад-дунья ва-д-дин Абу-л-Музаффар». М. Н. Федоров забыл, что такое сходство не имеет силы самостоятельного аргумента, так как одинаковые лакабы и куньи были у многих государей, особенно членов одной семьи.¹⁴

5) На динарах 571—574 гг. х. на одной стороне со всей титулатурой в верхней строке есть еще мусульманское имя Мухаммад, которое настолько мешает выводу М. Н. Федорова, что он искренне возмущается: «Кто этот Мухаммад, и почему его имя помещено на монетах?», да, лучше уж не было бы названного имени на монетах 571—574 гг. х., тогда не появилось бы еще одно фантастическое предположение М. Н. Федорова, что это, возможно, пророк Мухаммад.

Итак, даже если бы мы совсем не знали, в каком году умер Мас'уд, то и тогда далекие от научных соображений М. Н. Федорова и его атрибуция динаров 571—574 гг. х. не убедили бы нас в том, что Мас'уд дожил до 574 г. х.

Мухаммад ибн Мас'уд

Тот факт, что Мухаммад ибн Мас'уд чеканил в Самарканде как медные посеребренные дирхемы, так и золотые динары, установлен нами задолго до разбираемых статей М. Н. Федорова. Достоверные данные относительно его чекана следующие. Монетный титул Мухаммада — Кылыч Тамгач-хан, лакаб — Гийас ад-дунья ва-д-дин. Монеты чеканены с упоминанием двух халифов: ал-Мустаджида (555/1160—5/6/1170) и ал-Мустади (566/1170—575/1180). Сохранившиеся точные даты — 568/1172-73 и 567 или 569 гг. х. (числительное, обозначающее единицы, разрешает двойное чтение). Поздняя монетная дата его отца — 565 г. х. Эти факты позволяют сделать вывод: Мухаммад сменил Мас'уда на самаркандском престоле не позднее 566 г. х.¹⁵ М. Н. Федоров делает два других вывода: Мас'уд добровольно отдал Самарканд Мухаммаду, а сам переехал в Бенакет не позже мухаррама 567 или 568 г. х. Столь утробная датировка не имеющего места события основана на одной медной монете Эрмитажа. Она чеканена от имени хакана Руки ад-дунья ва-д-дина Мухаммада ибн Кылыч Тамгач-хана с упоминанием халифа ал-Мустади (566—575 гг. х.). Дата и наименование монетного двора не сохранились, но в круговой легенде А. К. Марков прочел название месяца — мухаррам. Атрибуция этой монеты неспроста. Федоров заключил, что она чеканена Мухаммадом ибн Мас'удом.¹⁶ При такой атрибуции возникает затрудне-

ние: на всех прочих монетах Мухаммада ибн Мас'уда у него другой лакаб — Гийас ад-дунья ва-д-дин. Само по себе это не контраргумент, но нужно доказать, что Мухаммад ибн Мас'уд в надписях на монетах действительно употреблял два разных лакаба. Пока доказать это невозможно. Возникшее затруднение Федоров обходит без обычной выдумки: он объявляет, что на данной монете упомянуты имя Мухаммада и лакаб его отца Мас'уда, т. е. два лица. При этом не принимается во внимание взаиморасположение частей надписи, которое совершенно исключает такое хитроумное решение.

Итак, принадлежность медной монеты, чеканенной в мухарраме неизвестного года, Мухаммаду ибн Мас'уду еще не доказана. Между тем она объявлена не только его монетой, но даже «мемориальной монетой», а мухаррам — первым месяцем его правления. М. Н. Федоров не изучил источниковедческого значения проставления месяцев в монетных датах. Если бы он собрал сравнительный материал такого рода, это предотвратило бы его от аксиоматического умозаключения: раз месяц, — значит, непременно «мемориал». Федоров видит некоторые затруднения с «мемориалом», но отбрасывает их, так как очень хочется уточнить до одного месяца добровольную передачу Мас'удом Самарканда Мухаммаду: «...видимо, не позже мухаррама 567 или 568 г. х.» (НЭ, с. 60). В жертву «мемориалу» приписаны и достоверные (теперь уже многочисленные) монеты Мухаммада 566 г. х.

Афраснабский клад и кат. 157 Музея истории народов Узбекистана (Ташкент)

В 1914 г. Археологическая комиссия получила из Самаркандского областного правления (при отношении № 6733) 39 целых и три фрагмента золотых монет, найденных в Самарканде на склоне городища Афраснаб. Первое краткое сообщение об этом кладе появилось в 1918 г. в «Отчете Археологической комиссии».¹⁷ Второе краткое сообщение (на основании архива Археологической комиссии, хранящегося в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР) было опубликовано нами в 1960 г.¹⁸ Третье, уже подробное описание состава клада на основании определения, хранящегося в архиве Археологической комиссии, в 1969 г. издал Б. В. Лунин.²¹

Приступая к написанию специальной статьи об Афраснабском кладе, М. Н. Федоров не дал себе труда

динаров 571—574 гг. х. Окончательную атрибуцию эта монета получит скорее всего после обнаружения оригинального экземпляра с сохранявшейся датой.

¹⁷ Отчеты пп. Археологической комиссии за 1913—1915 гг. ГП, 1918, с. 221, 263.

¹⁸ Да в и д о в и ч Е. А. Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв. — НЭ, 1960, вып. 2, с. 100, № 6.

²¹ Л у н и н Б. В. К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана (по архивным данным). — В кн.: История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1969, вып. 8, с. 188, 189. К этой публикации следует добавить лишь одну подробность. Археологическая комиссия направила монеты в Эрмитаж (отношение № 939 от 25 апреля 1914 г.). Эрмитаж отобрал только 17 экз.: Ануштегинидов — три; Караханидов Кылыч Тамгач-хана (т. е. Мас'уда ибн Хасана) — четыре; Мухаммада ибн Мас'уда — два; Ибрахима ибн Хусайна — четыре, плохой сохранности — четыре. Эти динары, очевидно, можно выявить в коллекции Эрмитажа для изучения части клада в натуре.

¹⁴ Хороший пример этого же времени — лакаб Джагал ад-дунья ва-д-дин у пяти членов Ферганской семьи Караханидов (см.: Да в и д о в и ч Е. А. Вопросы хронологии и генеалогии. . . с. 186, табл. 4).

¹⁵ Вывод этот, раньше обоснованный нами монетой Мухаммада с упоминанием халифа ал-Мустаджида, сейчас получил серьезное подкрепление в виде монеты Мухаммада с сохранявшейся датой — 566 г. х. (см.: К о ч и е в Б. Д. Новые нумизматические данные по истории Караханидов второй половины XII—начала XIII в. — В кн.: Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983, с. 80).

¹⁶ Мы предположили, что она чеканена другим Мухаммадом, который известен из рассматриваемых выше

изучить литературу: все три публикации остались ему неизвестными. Более всего удивляет, что он не просмотрел даже «Отчетов Археологической комиссии», хотя каждый нумизмат-специст должен был знать, что клад, находящийся в Туркестане, поступал обычно в Археологическую комиссию, что и получало отражение в ее публикации.

Вследствие незнания литературы об Афрасиабском кладе М. Н. Федоров в 1972 г. внес первую путаницу в характеристику его состава и судьбы. Ссылаясь на М. Е. Массона, он сообщил (ЗБ, с. 32), что в 1913 г. клад из нескольких десятков монет разошелся по рукам, 15 динаров были переданы в Самаркандский музей; три из них уцелели в музее. Так образовались и многие годы «мирно сосуществовали» два Афрасиабских клада: от одного сохранились три динара в Самаркандском музее, от другого — 17 экз. в Государственном Эрмитаже. В 1978 г. (НЗ, с. 56) Федоров уже знает статью Б. В. Лунина и теперь пытается вынуть читателю, будто в 1972 г. три монеты он опубликовал как остатки не самостоятельного клада, а как часть того единого и общего, из которого 33 экз. (30 целых и три фрагмента) поступили в Археологическую комиссию. Без лживой скромности он заключает: «Итак, мы нашли (курсив мой. — Е. Д.) следы 33 целых и трех обломков монет из Афрасиабского клада» (НЗ, с. 57).

Однако М. Е. Массон сообщил М. Н. Федорову, что найдено было около ста монет. Вопрос, «где же, однако, остальные динары?», Федоров немедленно их и находит в Музее истории народов Узбекистана в виде кол. 157, «состоящей из 57 караханидских динаров второй половины XII—начала XIII в.». Вот эта-то коллекция и объявляется утерянной частью Афрасиабского клада. Приведем и доказательства Федорова, чтобы справедливо оценить его метод работы: кол. 157 и известная часть Афрасиабского клада близки по составу; кол. 157 — не разновременные поступления (были бы разные инвентарные номера), а клад, переданный в Музей сразу, — обнаружение такого крупного клада было бы отмечено, если бы это был не Афрасиабский.

Начнем с того, что кол. 157 из 57 караханидских динаров не существует. Если бы М. Н. Федоров обратился к музейной документации или внимательно изучил инвентарную книгу (на номера которой он ссылается), или не пренебрегал бы, как у него принято, научной литературой, не произошло бы этой поистине чудовищной в силу своей внешней достоверности фальсификации.

Кол. 157 именно «сборная», хотя и поступила в музей одновременно — 21 марта 1930 г. — из Среднеазиатского коммерческого банка, и состоит она из 264 монет. Их рассмотрел Т. Мургулянов; в его описи под первыми тремя номерами значатся ахеменидский дарик, Саманиды, Аббасиды. В книге «Драгметаллы» запись произведена иначе: Караханды (157/1—57), хорезмшахи Ануштегиниды (157/58—109), ахеменидский дарик (157/110), Саманиды и т. д. Караханидские и ануштегинидские монеты кол. 157 (всего 109 экз.) мы изучали в 1955 г. и неоднократно использовали в своих публикациях, обращение к которым²² уверило бы М. Н. Федорова от утверждения, что кол. 157 состоит только из 57 караханидских динаров. А знакомство с обстоятельствами поступления всей кол. 157 в музей не породило бы желания искать в ней часть Афрасиабского клада.²³

Частные ошибки и небрежности

Их немало для двух небольших статей. Отметим только следующие. Во-первых, небрежность самой публикации караханидских монет. Опущены многие варианты в содержании и взаиморасположении частей надписей поля лицевой и оборотной сторон. Выпускные сведения обозначены на обеих сторонах динаров, но не оговорена такая существенная деталь: на какой из сторон прочтена та или иная дата. На монетах Мухаммада ибн Мас'уда и Ибрахима ибн Хусайна упоминают по два халифа, однако описание динаров этих государей сводное, номера монет (или хотя бы их количество) с каждым из халифов не указаны. Не оговорены ошибки в надписях на монетах и наличие орнаментальных украшений в их поле. В арабском наборе статей порядочно ошибок, в которых М. Н. Федоров не виноват, но одна устойчивая и постоянная (она присутствует и в других публикациях) принадлежит ему: в арабских словах «пить», «питьедесять», «питьеот» над буквой «ха» нигде нет точки.

Во-вторых, нарушение норм научной этики. М. Н. Федоров нередко оперирует результатами чужих публикаций и исследований как некими общезвестными фактами, как аксиомами, которые не нуждаются в доказательствах, т. е. ссылаясь на работы предшественников. Именно так упоминаются монеты Махмуда ибн Ахмада, чеканенные в Узджиде в 609 г. х.; Кадры в качестве сына Ибрахима; Мухаммад в качестве сына Мас'уда; дата начала постройки северного узбекского мавзолея (и тут В. А. Крачковская, редактор «Эпиграфики Востока», в применении от своего имени дала ссылку на статью А. Ю. Якубовского!); тождество лица, для которого построен этот мавзолей, и того Хусайна, который, согласно монетам, был отцом Ибрахима и Насра.

* * *

Итак, в двух статьях М. Н. Федорова мы видим полный набор признаков недобросовестной работы с литературой и источниками. Часть литературы он просто не знает, другую — замалчивает, третью — читает небрежно, приписывая авторам то, чего они не утверждали. Именно из незнания литературы проистекает немало путаницы и неверных умозаключений. Но самый просторный путь в страну фантазий Федоров открыл своим отношением к рукописным источникам и монетным надписям. Они — не материал для анализа, а лишь канва, по которой Федоров вышивает любые (и часто разные на одну тему) любительские ему узоры. Находясь все время в плену вольно возникших идей и соображений, Федоров «втискивает» в них сведения источников, очевидно, искренне не замечая, что они туда «не лезут».²⁴

Рассмотренные признаки такого способа использования источников и литературы обнаруживаются во всех опубликованных работах М. Н. Федорова. Это, ко-

лекции велика (409 экз.), хронологически компактна, династийно-хронологически хорошо перекликается с некоторыми смешанными кладами (найденными на территории Мавераннахра), основу которых составляют динары второй половины XII—первой четверти XIII в. Правдоподобно, что эта группа является ядром большого клада.

²⁴ А когда замечает, что часто использует запасной прием: «бегармотность» резчиков штампов и переписчиков рукописей. Именно так, например, были «открыты» новые монетные дворы (уже уже «закрытые» Б. Д. Кочевым) и многое другое.

²² См., напр.: Давидович Е. А. Из области денежного обращения... с. 101, примеч. 31.

²³ Кол. 157 заслуживает специального изучения. Караханидско-ануштегинидская группа монет этой

нечно, не значит, что у него нет полезных наблюдений, но они буквально тонут в море фантазии.

Для кого написана эта рецензия? В первую очередь для тех историков Востока, которые обращаются к нумизматической литературе, чтобы фантазии

М. П. Федорова, внешние, без проверки, правдоподобные, не начали кочевать из работы в работу. Но также и для самого Федорова, которого уже не раз в печати предостерегали от подобных фантазий, чтобы он остановился и подумал: все ли дозволено?

Mostafa Maha M. F. Untersuchungen zu Opfertafeln im Alten Reich. Hildesheim: Gerstenberg Verl., 1982. XII, 455 S., XXXVII Taf. (Hildesheimer ägypt. Beitr.; H. 17).

Древнеегипетские жертвенники представляют собой обширную группу весьма важных историко-культурных памятников; всякий анализ мировоззрения египтян без учета ее данных будет неполон. Вместе с тем исследование ее — совсем непростая задача хотя бы уже потому, что находки жертвенников *in situ* немногочисленны и соответственно датировки большинства весьма неточны. До сих пор специальное исследование, посвященное жертвенникам, не было (работа, сделанная Л. Борхардом и А. Камалом, результатом которой являлись соответствующие тома «Catalogue général» Каирского музея, несомненно ценна, но ограничена специфической изданием). Рецензируемая книга, являющаяся диссертацией, защищенной в 1980 г. в Боннском университете, представляет собой первое специальное исследование жертвенников Старого царства — того периода, когда были заложены основы их дальнейшего развития.

Большинство датировок жертвенников по давней египтологической традиции основывается до сих пор на анализе надписей и не учитывает типологии памятников, которая особенно важна для эпохи Старого царства, поскольку количество надписей на староегипетских жертвенниках, как правило, невелико. М. Мостафа совершенно верно строит хронологию рассматриваемых памятников прежде всего на их типологии.

Автор выделяет пять первоначальных типов жертвенников, к концу Старого царства разделяющихся на 17 типов. Работа эта проделана на большом (хотя, конечно, далеко не исчерпывающем) материале; ряд жертвенников публикуется впервые. Исследование методологически корректно в том смысле, что для выявления хронологических рамок существования каждого типа М. Мостафа использует в качестве эталонов лишь жертвенники, имеющие привязку к достаточно точно датированным гробницам. Сопоставляя с ними жертвенники, до сих пор не датированные или датированные по отдельным признакам, она тем самым дает хорошее основание для более надежной их датировки.

Все типы жертвенников делится автором на четыре хронологические группы (см. табл. на с. 134): IV династия; V династия до N(j)-wsr-g'(w); V династия после N(j)-wsr-g'(w); VI династия. Как начальный период, имеющий свою специфику, выделяется время I—III династий. Результат этого исследования мог бы быть шире, тем только уточнение датировок, — выявленные автором рубрики, на которых возникают или исчезают определенные типы жертвенников, совпадают с моментами, когда происходит более или менее значительные изменения в архитектурном и изобразительном оформлении гробниц и соответственно меняются некоторые акценты в представлениях о загробной жизни. К сожалению, автор не замечает данного важного факта, который еще раз подтверждает, что египетская

гробница представляет собой единый комплекс, все элементы которого связаны между собой, и поэтому должна изучаться комплексно.

Появление новых оснований для датировки приводит автора к необходимости передатировать отдельные памятники. Однако если передатировка масштабы K'(-j)-nfr(-w) в Дахшуре хотя и не бесспорна, но вполне правомочна и подтверждается рядом других признаков (с. 40, 41), то попытка отнести к более позднему времени жертвенники при Snfr-w(j) возле его дахшурской («ломаной») и медреской пирамид (с. 41—54) выглядит несколько рискованной, ибо правомерность распространения на царские памятники закономерностей, выявленных на памятниках частных лиц, необходимо еще доказать.

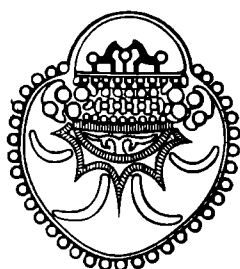
К числу достоинств книги следует отнести хорошие воспроизведения памятников; правда, хотелось бы видеть больше впервые публикуемых жертвенников, но предъявлять такие претензии мы не вправе.

Наряду с несомненными достоинствами часть, посвященная типологии, содержит ряд недостатков. 1) Полный список эталонных памятников приведен только для IV династии. Это хотя и не вызывает сомнения в добросовестности автора, ибо причиной является, видимо, экономия места, но затрудняет проверку полученных выводов. 2) Работа, построенная на староегипетских материалах, должна была бы специально коснуться периода позднего Старого царства (с середины VI династии), датировка памятников которого до сих пор не имеет четких критериев и представляет огромные трудности; автор, однако, не затрагивает этих важных проблем. 3) Жертвенники рассматриваются как замкнутая группа памятников, вне связи с гробничными комплексами, в которые они входят; это приводит к ошибкам, речь о которых пойдет ниже. 4) С точки зрения последовательности методики, классификация жертвенников должна была бы быть подробней; так, например, жертвенники с одним и двумя углублениями для возлияний отнесены к одному и тому же типу (A+B2). 5) Исследование типологии памятников следовало бы выделить в самостоятельную часть и не прерывать теоретическими выкладками, что усложняет пользование книгой. 6) Комментарии к впервые издаваемым памятникам должны были бы быть подробней. 7) Неудачны принятые обозначения: если большинство типов жертвенников зашифровано латинскими буквами с цифровыми индексами — (B2), (A+B)1 и т. д., то типы жертвенников с изображением знака htp им же и обозначены, что в сочетании с цифровой индексацией производит странное впечатление — (htp)1, (htp)2 и т. д. 8) Иероглифические надписи в тексте сделаны почерком, который у древних египтян вызвал бы по меньшей мере недоумение. И если в настоящей работе такие написания, как

С. 7. А. могут вызвать улыбку, то там, где по рукописным предатам приходится судить об оригинале, ничего забавного в подобной неаккуратности уже нет. Небрежное отношение к почерку, заметное сейчас по многим изданиям, не может не тревожить и не напони-

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1960

Е. А. ДАВИДОВИЧ

САМАНИДСКИЕ МОНЕТЫ КУБЫ

Монетный двор Кубы (Фергана) до недавнего времени вовсе не был известен. Во всяком случае, Куба не упомянута ни среди саманидских монетных дворов в монографии В. Г. Тизенгаузена, ни в общем списке монетных дворов в сводке О. Кодрингтона¹.

Две монеты Кубы хранятся в Государственном Эрмитаже. В 1924 г. одну из них обстоятельно описал, а вторую упомянул Р. Р. Фасмер². В 1957 г. еще одна медная саманидская монета Кубы найдена была на территории средневекового Ходженда (совр. г. Ленинабад, Таджикская ССР). Надписями она совершенно отличается от двух эрмитажных.

Три монеты Кубы чеканены в разные годы при трех саманидских эмирах: одна при Нухе I б. Насре (943—954) в 341/952—53 г., вторая при Абд-ал-Малике I б. Нухе (954—961) в 349/960—61 г. и третья при Мансуре I б. Нухе (961—967) в 356/966—67 г.

1. Куба, 341 г. х.; вес = 1,93 г; д = 22,5 мм. А. К. Марков (Инв. каталог мусульманских монет Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 148, № 855) частично описал эту монету, название монетного двора прочел как Кинна (?). О. Кодрингтон включил город Кинна в свой список. Подробнее монета описана Р. Р. Фасмером в рукописном «Каталоге собрания восточных монет Гос. Эрмитажа. Саманиды» (стр. 270, № 1962), причем название города определено верно — Куба.

Л. с. В поле:	اية	О. с. В поле:	الله
	لاله الا		محمد
	الله وحده		رسول
	لا شريك له		الله
			مع

Круговая надпись л. с. (между двумя линейными ободками) содержит выпускные сведения (три последние буквы слова сотен — в поле

л. с.): بسم الله ضرب هذا الفلص بقبا سنة احدى و اربعين و ثلث

Круговая надпись о. с. (между внутренним точечным и внешним линейным ободками) содержит имя саманидского эмира Нуха б. Насра с его титулатурой и благопожеланием ему:

مما امر به الملك المويد ابو محمد نوح بن نصر اعز الله

2. Куба, 349 г. х.³; вес = 1,82 г; д. = 27 мм

Л. с. В поле по кругу — символ веры до слова شريك. Окончание, видимо, в центре (стерто). Круговая надпись (между внутренним точеч-

¹ В. Г. Тизенгаузен. О саманидских монетах. Тр. ВОРАО, ч. I, СПб., 1855; О. Codrington. A Manual of Musalman Numismatics. London, 1904.

² Р. Р. Фасмер. Новые приобретения Эрмитажа в области куфической нумизматики. ИРАИМК, т. III, 1924, стр. 318.

³ Монета хранится в Институте истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР (КП—328/9).

ным и внешним линейным ободками) содержит выпускные сведения:

بسم الله ضرب هذا الفلّس بقبا سنة تسع و اربعين و ثلثا

О. с. В поле:

الله
محمد
رسول الله
الا [مير السيد]
[عبد الملك]
بن نوح

Круговая надпись (между внутренним точечным и внешним линейным ободками) содержит имя Аш'аса б. Мухаммада с его титулатурой:

مما امر به الا مير اشعث بن محمد مولى امير المؤمنين

3. Куба, [3] 56 г. х. ⁴; вес = 1,62 г, д. = 22 мм

Л. с. В поле: لا اله الا

О. с. В поле: الله

الله وحده
لا شريك له
احمد

محمد
رسول الله
منصور
بن نوح

На л. с. две круговые надписи. Внутренняя содержит выпускные сведения (недописано слово, обозначающее число сотен в дате):

بسم الله ضرب هذا الفلّس بقبا سنة ست و خمسين

Внешняя кораническая легенда (Кор. XXX, 3, 4) не окончена (нет слов **الله** и с ошибкой в слове **يومين**). Круговая надпись о. с. (между внутренним точечным и внешним линейными ободками) содержит имя хаджиба Мансура б. Байкара с титулом эмира и благопожеланием ему:

مما امر به الا مير منصور بن بايقرا الحاجب ابد الله

(в предпоследнем слове ошибка — пропущена буква **ه**).

В X в. Куба была вторым (после столичного Ахсикета) городом Ферганы и столицей одного из округов. Ибн-Хаукаль утверждает, что по количеству воды и садов она превосходила Ахсикет; по Макдиси, Куба превосходила Ахсикет даже по величине и богатству⁵. Организация в Кубе монетного двора оправдана поэтому даже экономически, но еще яснее выступают политические предпосылки.

Круговые надписи о. с. медных саманидских монет начинаются с формулы: **مما امر به الامير** «Из того, что приказал эмир». Эта формула свидетельствует о том, что упомянутому после нее лицу принадлежало право чеканки монет, монетная регалия, а в конечном счете фактическая власть

⁴ Монета хранится в Отделе нумизматики Гос. Эрмитажа, инв. № 1019 а; Р. Р. Фасмер. Ук. соч., стр. 318.

⁵ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 159.

в городе или области, осуществляемая любым путем (непосредственно, через наместников и пр.). Не случайно на подавляющем большинстве медных фельсов в этой надписи фигурирует глава саманидской династии. И в данном случае ранняя из трех монет Кубы чеканена от имени эмира Нуха б. Насра. Зато на двух следующих монетах Кубы в круговой легенде о. с. названы имена совсем других лиц (Аш'ас б. Мухаммад и Мансур б. Байкара), имена же глав династии помещены в поле о. с.

Дата чекана	Лицевая сторона	Оборотная сторона	
	Поле	Поле	Круговая надпись
341 г. х. (952/953 гг.)	—	—	الملك الوليد ابو محمد نوح بن نصر
349 г. х. (960/961 гг.)	—	الا مير السيد عبد الملك بن نوح	الا مير اشعث بن محمد
356 г. х. (966/967 гг.)	احمد	منصور بن نوح	الا مير منصور بن با يقر الحجاب

Следовательно, саманидские эмиры выступают здесь уже не как владельцы города, а лишь как верховные главы, сюзерены. Монетная же регалия и фактическая власть принадлежали сначала Аш'асу б. Мухаммаду, потом Мансуру б. Байкара. Пример этот не стоит изолированно. Мы специально рассматривали группу аналогичных медных монет⁶, причем сравнительный анализ письменных и нумизматических материалов дал основание заключить, что такого рода города и области следует рассматривать как феодальные уделы, фактически пожалованные (или оформленные как феодальное пожалование) с передачей соответствующих политических и экономических привилегий. Степень самостоятельности и независимости таких удельных владельцев была различной, что обычно очень хорошо отражено монетными надписями.

Куба в руках двух названных лиц выступает именно как один из таких феодальных уделов⁷. Таким же феодальным уделом внутри Ферганы несколько раньше оказался город Насрабад с округом (судя по медным монетам 336—344 гг. х.), хотя он по размерам был меньше Кубы. Да и сама Фергана в целом на разных отрезках времени выступала как очень самостоятельный крупный феодальный удел внутри саманидского государства⁸.

С чеканом Кубы связана одна любопытная монета Ферганы, на лицевой стороне которой в двух круговых надписях две даты — 355/965—66 г. и 359/969—70 г.⁹. Обеим этим датам не соответствует надпись поля оборотной стороны, где имя саманидского эмира Абд-ал-Малика б. Нуха (954—961), почему В. В. Вельяминов-Зернов пытался читать здесь имя другого саманидского эмира, Мансура б. Нуха (961—967); Х. Френ оставил этот вопрос открытым, а Р. Р. Фасмер правильно предположил, что эта сторона чеканена старым штампом времени Абд-ал-Малика.

⁶ Е. А. Давидович. Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидах. Тр. АН ТаджССР, т. XXVII, 1954.

⁷ Имя хаджиба Мансура б. Байкара (по Макдиси — главного хаджиба саманида Мансура I б. Нуха) встречается также на ахсикетских монетах 355—356 гг. х. Следовательно он примерно в одно время получил в удел и Ахсикет, и Кубу с правом чеканки медных монет от своего собственного имени.

⁸ Е. А. Давидович. Ук. соч., стр. 83—94, 99—107.

⁹ Хранится в Гос. Эрмитаже, в Отделе нумизматики, № 1069—в. Р. Р. Фасмер. Ук. соч., стр. 320—322.

Происхождение этого старого штампа и причины его вторичного использования открывает имя в круговой легенде после обычной вводной формулы «из того, что приказал...». Три нумизмата предложили три разных чтения этого имени, сопроводив, однако, свои чтения вопросительными знаками: Х. Френ — *الامير لسه* В. В. Вельяминов-Зернов *الامير السيد*; Р. Р. Фасмер *اسيل* или *اسل*.

Внимательное рассмотрение букв позволяет читать здесь совсем другое имя — Аш'ас *اشعث*! Р. Р. Фасмер справедливо отметил, что перед буквой «син» только одна буква — «алиф» или «лям», что снимает чтение В. В. Вельяминова-Зернова. Чтение третьей буквы не вызывает сомнений — это «айн» или «гайн». Х. Френ читал «айн». Р. Р. Фасмер также отметил ее сходство с буквой «айн», однако предпочел это сходство считать ошибкой резчика штампа. Четвертая буква (наличие которой Х. Френ предполагал) читается как «ба» и другие, в том числе — *ث*. В целом круговая надпись читается следующим образом:

مما امر به الامير اشعث بن محمد مولى امير المؤمنين

Имя Аш'аса б. Мухаммада уже известно по вышеописанной монете Кубы 349 г. х. Круговые легенды оборотных сторон этих двух монет совпадают полностью. Надписи поля одинаково содержат имя эмира Абд-ал-Малика б. Нуха и различаются только одной строчкой (на монете Кубы еще и титул этого эмира) и ободком. Все это убеждает в том, что оборотная сторона ферганской монеты 355—359 гг. х. чеканена штампом, происходящим из Кубы и относящимся к тому времени, когда Кубой при саманиде Абд-ал-Малике владел эмир Аш'ас б. Мухаммад. Разнотипность двух штампов с именем Аш'аса в свою очередь свидетельствует о том, что Куба принадлежала ему достаточно продолжительное время. Использование же одного из штампов Кубы в более позднем чекане Ферганы указывает на обстоятельства и характер ликвидации в Кубе монетного двора. Нечто аналогичное произошло и в Насрабаде, ибо имеется ферганская монета 358 г. х., оборотная сторона которой чеканена одним из насрабадских штампов с именем бывшего насрабадского владетеля, эмира Малика.

Г. Д. БЕЛОВ

ШИФЕРНАЯ ИКОНА ИЗ ХЕРСОНЕСА

В 1956 г. в Херсонесе при раскопках дома XIII—XIV вв. была найдена шиферная икона (рис. 1), высотой 17,5 см, шириной внизу 13,4 см,верху 12,9 см, толщиной 0,8 см, в обломках в количестве 39 шт. Материал иконы — камень, шифер желтовато-серого цвета.

При гибели дома во время пожара некоторые части иконы подверглись действию огня и копоти: одни обломки пожелтели, другие почернели (почерневшие места резко выделяются на фотографии, например, правый нижний угол). Кое-где образовались наросты в виде накипи светло-серого цвета. Икона реставрирована — очищена от наростов и грязи, склеена, утраченные места дополнены гипсом.

Оборотная сторона иконы неровная, верхний и нижний края частично срезаны наискось. Хорошо видны следы от инструмента — бороздки и желобки. Линии изломов имеют косое направление, обусловленное, по-ви-